

A scenic landscape featuring a wide lake in the middle ground, a dark forested shoreline, and a range of mountains in the background under a dramatic, cloudy sky. The foreground is filled with tall grasses and wildflowers.

Людмила
Перцевая

На одном дыхании

Москва, 2018

18+

Людмила Николаевна Перцева На одном дыхании

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39430415

SelfPub; 2018

ISBN 978-5-532-11402-9

Аннотация

В этой новой книге рассказы и воспоминания, размышления о жизни и литературные эссе вдруг рожают стихи – философские, сентиментальные, ироничные... Очень разные, но всегда с личной позицией, индивидуальной окраской. Они объединены исповедальной искренностью автора, человека эрудированного, с богатым жизненным опытом. Понятные и близкие для себя темы в своеобразном поэтическом дневнике найдут и подростки, и зрелые люди. Таков дар перевоплощения поэта, его сопричастия ко всему происходящему в текущем дне!

Содержание

1. Зачем ирис так фиолетов?..	4
Загадки цветущего сада	6
Новогодний глинтвейн	8
Перевод с зеленого	10
2. Но Пушкина не проведешь!..	12
После магнитной бури	16
Как во сказочном бору...	17
3. Миссия Василия Верещагина	18
Пророчество	22
Инстинкт хищника	23
4. Я помню этот день...	25
Счастье	28
Надежда	29
5. Есть упоение в бою!	30
Не потопаяшь – не полопаяшь!..	40
Федорино горе	41
6. Подсолнуховый анекдот	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

1. Зачем ирис так фиолетов?..

14 февраля 2018

Пума – черная, лев – рыжий, тигр – полосатый, а леопард – пятнистый... И много еще всяких кошек – и все они разодеты пестро и разнообразно! Береза – мелколистная и белоствольная, а иудино дерево линяет, и с него лоскутьями слезает красная кора. Из толстой сосновой коры можно вырезать кораблики, а из тонкой березовой – выделявать туеса, ковши и шкатулки... Рога олени и лосиные спорят по красоте и мощи, овцебык уверен, что его оружие – страшнее!

Зачем, Творец, при равной функциональности тебе важна эта игра формы и цвета? Если нектар пьют и пыльцу переносят насекомые, которых на Земле – бесчисленное множество, отчего тебе пришла охота выдумать птицу колибри? А потом еще и цветы, которые допускают до этой важной операции только колибри – и больше никого! Ворон – чёрен, голубица – в белоснежном оперении, фламинго в розовом... Творца, видимо, тешило разнообразие создаваемых образов, творчество, предела которому не было! Но зачем, какой практический смысл в этом? Эти вопросы, обращенные к неведомой творящей силе, можно задавать бесконечно. Нет на них ответа.

Спроси себя: зачем ты при нормально осуществляемой коммуникативной функции речи говоришь стихами? То

длинной строкой, то короткой, то нараспев, то рублеными слогами; откуда берутся эти несусветные образы, рождаются метафоры и немыслимые сравнения? На кого рассчитана твоя причудливая речь, почему тебе так хочется быть неповторимым? Какой в этом смысл?

Не знаю. Но он есть. Он должен быть. Иначе почему с тех пор как появилась речь – возникла и потребность в словотворчестве. Хочется быть неповторимым, но и воспринятым, вот и бьемся по мере сил и способностей! Удачи всем нам!

Загадки цветущего сада

Дивит фантазиями лето,
Загадками волнует сад,
Зачем ирис так фиолетов?
Пион – роскошен и лохмат?..

Настурция огнем пылает,
Гортензия как смерть бледна,
Альпийский лук теснится с краю,
А вон и лебеда видна!..

Вот по дорожке я иду,
И слышу, горячится как,
Перебивая резеду,
Волной душистою табак!

О чем заспорили так страстно?
– В спор не вступает георгин.
Багров, надут, и сразу ясно:
Без запаха, но – господин!

Но тут садовница устало
Сказала, спину разогнув,
"От жизни ты, мой друг, отстала,

Сорняк главное всех в саду!

Не помню, чтоб его сажали,
И пестовали... Нет, едва ли...
Но он, представь, живучей всех!
Чем объяснишь его успех?"

Новогодний глинтвейн

Не ханжа и не притвора,
Не капризничая зря,
Капни что ль для разговора
В чашку толстого фарфора
Тридцать капель декабря!

И туда же выжми плод
Жгуче-солнечного цвета,
Вкус – гримасой сводит рот!
Но зимой глоточек лета...
Для букета подойдет!

Эликсир мой – не бином,
Чтоб рождал в душе отвагу,
Кипрскую беру я флягу,
Щедро в чашку лью вино –
Это главное звено!

О любви воспоминаний
Подмешаю сладкий мед,
Кто попробовал – поймет,
Есть в нем привкус и страданий,
И разлуки свой черед...

Ноткой прозвучит седьмою
Аромат зеленой хвои,
Носу говорит хоть что-то
Эта сказочная нота?
Запах мандарина ловит? ...

- А наступит тридцать первое?
- Не гадай. Наверное...

Перевод с зеленого

Зеленых листьев письменна
Я разбираю скрупулезно:
Штрих-код предъявит мне сосна,
Сердечком шлет сигнал береза.

Не плачет ива – восклицает,
Когда листочек свой теряет,
Но где у восклицанья точка,
Чей здесь приложится листочек?..

А семипалый лист рябины -
О чем вещает, что таит?
Кто напрягает лист малины? -
– Он сморщен и смущен на вид...

Кленовых звезд не ясен символ,
Но, Бог мой, как они красивы!..
И без меня проблем тут море:
Черемуха и вишня спорят,
Кто первый сочинил овал
И в азбуку его вписал...

Зеленым этим эсперанто

Я не владею, признаюсь,
И даже с президентским грантом
За перевод я не возьмусь!

Но силюсь в памяти сберечь
Таинственную роши речь...

2. Но Пушкина не проведешь!..

15 января 2018

Меня всегда чрезвычайно занимала оговорка Пушкина о том, что Татьяна писала свое пылкое признание Онегину на французском языке. Да ведь не вскользь брошенные строки «Она по-русски плохо знала, Журналов наших не читала, И выражалась с трудом На языке своем родном, Итак, писала по-французски...», а полновесных шесть строф занимает эта прелестная преамбула к письму! И про то, как ему милы галлицизмы в прелестных устах дам, и как трудно перевести «любезную небрежность и умильный вздор» на русский, и вообще – языком нашим только ученому сухарю или «академику в чепце» под силу овладеть...

А потом примерно столько же занимает собственно письмо, нежное, сбивчивое, от высокопарного «коварный искуситель» до почти детского «стыдом и страхом замираю». Как всё это могло выглядеть на французском? Как они потом (волею поэта) объяснились на русском и Онегин вымолвил: «Не отпирайтесь, я прочел души доверчивой признанья» и всё прочее в сугубо русских выражениях!

Зачем Пушкину понадобилась эта оговорка, эта игра? Показать, насколько глубока пропасть между Отечеством, родным языком и его элитой, дворянством, если уж самые чуткие, поэтические натуры в самом нежном возрасте могут изъ-

ясняться только на чужом языке? Вот уж поистине «она в семье своей родной казалась девочкой чужой» – во всех смыслах!

Много позже Александр Сергеевич, обнаружив вышедшую в Париже в 1827 году книгу под названием «Гузла или Сборник иллирийских стихотворений, собранных в Далмации, Боснии, Хорватии и Герцеговине» заинтересовался ею не на шутку. Особенно потому, что собрал их и обнародовал на французском языке «острый и оригинальный писатель Проспер Мериме... автор произведений чрезвычайно замечательных в глубоком и жалком упадке нынешней французской литературы». Пушкин, великолепно владея французским языком, воодушевился идеей пересказать сии вирши русским – так родились «Песни западных славян» аж шестнадцать опусов! Признаюсь, мне, как и широкой публике, хорошо известны максимум три из них: про бедного Ваню и вурдалака, «Соловей мой, соловейко, птица малая лесная», впоследствии ставшее романсом, и про ретивого коня, который не потряхивает гривой и не грызет своих удила...

Этот цикл был создан в 1834 году. Но что-то Пушкину мешало ударить себя в восторге по бедрам и закричать: «Ай да Сашка, ай да сукин сын!» Хотя, что уж сомневаться, если сам Мицкевич, по словам Пушкина «...критик зоркий и тонкий и знаток в славенской поэзии не усумнился в подлинности сих песен, а какой-то ученый немец написал о них пространную диссертацию».

Но Александра Сергеевича не проведешь! «Мне очень захотелось знать, на чем основано ИЗОБРЕТЕНИЕ СТРАННЫХ СИХ ПЕСЕН, Соболевский по моей просьбе писал о том Мериме и в ответ получил ...письмо». Все это рассказано в предисловии к публикации «Песен западных славян», как и письмо Проспера Мериме, в котором чрезвычайно остроумно изложена история литературной мистификации. Не было никаких таких Песен, легкомысленный француз их попросту выдумал!

Он собирался с приятелем путешествовать по Италии, чертил маршруты на карте: Венеция, Триест, оттуда в Рагузу... Но кошелек был пуст, и Мериме решил ...сначала описать это путешествие, продать издателям, а на вырученные деньги уж пускаться в поход, за песнями! Приятель не поверил, что такое возможно, но Проспер уже на следующий день принес ему 5-6 песен. И понеслось!... Они эти опусы проверили на экспертах, а потом издали!

В завершение Мериме пишет: «Передайте г. Пушкину мои извинения. Я горжусь и стыжусь вместе с тем, что и он попался...»

Да, ладно, «попался»! – Александр Сергеевич заподозрил неладное, понял, что странные сии песни кем-то изобретены, запросил подробности, и свои стихотворения опубликовал со всеми разъяснениями с полным уважением к читателю. Согласитесь, прелестная история!

Мистификация литературная – увлекательная игра! Ну,

вот как если бы я сочинила стих и опубликовала под заглавием «Из ...Ивана Бунина» (как будто он писал на французском, а я его перевела с укоризною на родной!) Ну, а почему бы и не поиграть! Надеюсь, гений на дилетанта не обидится? Хотя, конечно, мои уши торчат из-под маски!..

После магнитной бури

Колебясь, перышко плывёт
По волнам легкого зефира,
КружИтся семя-вертолет, -
Их рассылает клён по миру,

Ещё толпится мошкара
На этой высоте доступной,
Едва продравши взор с утра
Я попрошу у них приюта...

Здесь тяготение Земли
Так неопасно для падения,
Здесь с вами вместе мы смогли
Для нежных слов найти склонение...

На Солнце – темных пятен бой,
Там радиация – за гранью,
А нам назначено судьбой
Земное сосуществованье...

Терраса. Кофе. Теплый взгляд:
"Тебе лучше?.. Как я рад!"

Как во сказочном бору...

Ты напорист был, безрассудно смел,
Я – за челкою, как за фатою,
Соловьиный хор нам «Осанну» пел,
Под сверкающей дивно луною!

Елки, сосны шумели, как гости в пиру,
Отгоняя злословье и нечисть,
Постелил добрый лес нам траву-мураву,
Дикий хмель осыпая на плечи...

Ликовал, обнимая лучами, рассвет,
Птицы грянули с новою силой,
Обещая нам счастье на тысячу лет!
Горько как... Поцелуй меня, милый!

3. Миссия Василия Верещагина

13 марта 2018

– А, знаю, это тот, кто грудю черепов нарисовал, «Апофеоз войны», что ли...

– Нет, это тот, который Тадж-Махал в Агре изобразил, там еще в воде отражение!

– Но вот не все помнят, что у него есть скандальная «Трилогия казней»: на одной – сцена распятия Христа, на другой – повешение декабристов, на третьей – расстрел восставших сипаев англичанами в Индии. Все три так шокировали современников, что первая была запрещена к показу по требованию церкви, вторая – по недовольству властей, а третья вообще пропала и до сих пор неизвестно, цела ли... Англичане, небось, свой позор сожгли!

Да, пропала, но зато две первые из триптиха представлены на выставке Василия Верещагина, огромной, поразительной по полноте представления этого гения мирового изобразительного искусства. Он, блестяще образованный офицер, всю жизнь боролся доступными ему средствами с войной, – и сам не уходил с поля боя во время самых масштабных и страшных сражений, погиб вместе с адмиралом Макаровым в русско-японской войне.

Он не входил ни в какие художественные объединения, не признавал званий, «...считая все чины и отличия в ис-

кусстве, безусловно, вредными», у него не было знаменитых учителей и последовательных учеников, он был новатором с неповторимым и своеобразным талантом. Можете себе представить, он даже не участвовал в художественных выставках рядом с другими живописцами, признавал только индивидуальные!

Даже продавая свои работы, требовал от покупателей соблюдения невероятных условий: чтобы серии его картин не разбивались «во веки веков», не перепродавались и не передавались, не уходили в запасники – всегда были в доступности зрителям! Сам Третьяков перед ним пасовал: художник за Балканскую серию запросил 150 тысяч рублей (25 картин и 50 этюдов) – Сергей Михайлович смог купить 8 картин за 50 тысяч, остальные ушли с молотка! В индийской серии из 139 картин и этюдов Третьяков купил половину за 75 тысяч рублей. Чтобы исполнить требование художника, планировалось к Третьяковке пристроить отдельную персональную галерею! О, это особая история!

Значимый нюанс: Сергей Михайлович признавался, что он...не сказать, чтобы очень любил картины Верещагина, но видимо его антимилитаристская миссия, общечеловеческая значимость этой миссии, представлялась Третьякову настолько весомой, что вопреки своим личным пристрастиям, он считал своим долгом сохранить полотна Верещагина в России.

Скажете, слишком много о себе возомнил Василий Васи-

льевич? Ничуть не бывало. Личность такого масштаба трудно найти не только у нас, в России, но и в мировой истории живописи. Я провела на выставке день – и была сражена и количеством, и качеством произведенных шедевров одной кистью! Серии Индийская, Палестинская, Японская, Туркестанская, сериалы с Балканской военной эпопеи, полотна зимних баталий с Наполеоном, этнографические портреты типажей, этюды храмов разных верований и религий, архитектура... Нет, невозможно даже через запятую перечислить весь спектр его интересов. Археолог, репортер, философ, блестящий рисовальщик, новатор в живописи, неутомимый путешественник – устанешь перечислять! О нем сложно говорить кратко, он составил бы себе имя, к примеру, только потрясающими видами гор – Алатау, Кавказа, Непала...

А как Верещагин устраивал свои выставки! – С особым освещением, привлечением артефактов, которые были изображены на картинах, коврами, тканями, оружием, и всё это в музыкальном сопровождении. Представьте, Третьяковка сумела все это воспроизвести на нынешней юбилейной выставке, привлекла множество экспонатов из Эрмитажа, музея Востока, Исторического музея. Не было музыки, но зато организована «Гостиная Верещагина»: шатер из красочных тканей, мягкие диваны, ковры – и наушники, в которых звучат диалоги Верещагина с женой, с современниками... Невозможно было уйти с этой выставки, ноги уже не держат, но снова и снова возвращаешься к полотнам, рисункам, этю-

дам. Вот его знаменитая картина «Двери Тамерлана» – а рядом эти самые двери из Эрмитажа!

У меня внутри просто всё кричит: да это ведь готовый музей одного художника, гения мировой величины! Какой-то Шилов представлен роскошным особняком на Знаменке, рядом с Кремлем, а Верещагин – бездомный!.. Хожу, читаю таблички, подолгу люблюсь полотнами, он и в приемах живописи разнообразен, краски яркие и свежи, современные. И тут я понимаю, что ни один музей, пославший работу Верещагина на эту экспозицию, ни за какие деньги не расстанется с шедевром, ни Череповецкий, ни Азербайджанский, ни Русский, ни частные коллекционеры. Пять месяцев просуществовал этот сборный музей – и все шедевры разошлись по домам. Лишь каталог останется, как память об уникальном празднике, пиршестве духа.

Как же мало и плохо знаем мы своих гениев! Когда увидела, что Верещагина утаскивали и в США, и в европейские собрания, вспомнила историю советского художника, представителя "сурового реализма" Гелия Коржева: больше половины работ как-то непонятно, нечаянно оказались в Америке... Слушаю искусствоведов, которые рассуждают, что же лучше, удерживать наших на родной земле, или пусть царят по всему миру? Не знаю...

Пророчество

Моря высыхали
И вновь наполнялись водой,
Вершины вздымались
Над вспаханной Богом грядой,
Утюжили Землю
Безжалостно острые льды,
Потоки подземные
Без устали рыли ходы...
Зверье исполинское
Билось за жизнь – аж на смерть,
И длилась веками
Земная юдоль – круговерть...
И как-то нечаянно,
В узкой щели временной,
Явился наш род -
Человеческий – вместе со мной,
Родился, развился,
И... кончил бесславно свой век,
Умом пренебрегший
Воинственный зверь – человек...

Инстинкт хищника

Амбру кита, медвежьи лапы,
И соловьиный язычок, -
Всё хищник— человек зацапал,
Всё, что унюхать только мог!

— Просмаковать яйцо и... гнезда,
У носорога рог спилить,
Не признавая в буйствах роздых,
Последних тигров оскопить!

До капли выжать кровь оленя,
Панты жестоко обломать,
Не зная жалости, сомнений,
Шубенку с котика содрать,
— И от убийств не уставать!..

Бил из засады, влёт и в воду,
Капканы ставил, самострел,
Шел на слонов и львов походом, -
И мир животных оскудел ...

Жить без охоты стало туго? -
Осталось пожирать друг друга!

4. Я помню этот день...

10 августа 2017

Была долгая пыльная дорога меж полей неказистого овса, перевитого горохом и васильками, потом получасовая езда в жарком и тоже пропыленном автобусе; узкая и неловкая, вся в узловатых корневищах и буграх выступающих камней тропинка в душном от летнего зноя лесу, и над всем этим вылинявшее почти бесцветное небо, до того высокое, что, казалось, его и не было вовсе... Потом скучное свидание с младшей сестренкой в этом уж очень удаленном от города пионерлагере, её жалобы на мальчишек... Утомительная и вдвойне скучная обратная дорога.

Уже у самого города меня застиг неожиданный и полетному бурный, суматошный и оглушающий ливень. Я просто захлебывалась в прохладных потоках воды, которые рванулись весело и отчаянно откуда-то сверху, ноги скользили по размытой дороге в бурлящих ручьях чуть ли не по колено. Продрогшая вконец от этого безжалостного дождя, усталая смертельно от всего этого долгого дня, я у себя в комнате на веранде с трудом стянула мокрую одежду, завернулась в прохладную простыню и моментально уснула глухим тягостным сном.

Проснулась неожиданно и, с трудом продираясь сквозь липкую заспанность, не сразу поднялась с кровати. Промыла

глаза, долго пила из зеленой с отбитым краем кружки молоко. Вдруг неожиданно поняла, что день еще длится, но какой-то он перерожденный, совсем новый! Чуть запыхавшись стекла веранды сияли ослепительно и празднично, омытые бурным дождем.

Ярко зеленели свежие кусты черемухи, осыпанные щебетаньем невидимых птиц, в доме о чем-то спорили и смеялись. Это были мои подруги, разговаривавшие с мамой. С утра они ходили за земляникой, а после дождя зашли спросить, как мой поход в лагерь к Олюшке.

Мы ели землянику с молоком, сияли друг на друга возбужденными лицами и говорили, какой чудесный сегодня день! И я, удивляясь, вспоминала, какой был восхитительный лес, ароматный и томящийся от зноя. Как приятно было, сходя с дороги, путаясь руками в горохе, рвать полинявшие от солнца васильки... Какой теплой и ласковой к босым ногам была дорога, умильными капельки пота на веснушчатом носу кондукторши в автобусе... День в воспоминаниях был пропахшим не пылью, а знойным солнцем. К воспоминаниям этой жары неуловимо примешивался аромат прохладной земляники, которую мы ели, вкус холодного густого молока, они освежались тем ливнем, который еще два часа тому назад казался безжалостным, оглушающим, грубым.

Нам было так хорошо, так беспричинно весело и легко, что мы смеялись и гримасничали больше, чем говорили. И весь этот день, сотканный из солнечных лучей и дождя, про-

пахший земляникой и зеленью, – то запыленной и вялой, то мокрой и упругой, казался уже непрерывным потоком несказанного счастья.

Мне этот день снился потом очень долго. Я заучила его, и как только он начинался, цветной, светлый, легкий, я радовалась тому, что поплыву в волнах зноя и струях дождя, буду легко, без напряжения парить над полем, где в желтых овсах бликами неба скользят голубые васильки... И чем дальше во времени я отходила от этого дня, тем прозрачней и невесомее становился мой славный сон, словно таял, изнашивался от частого употребления. Он становился беззвучным и бесплотным, но я все равно радовалась тому, что опять смогу ощутить во сне запах прохладной земляники и вкус холодного густого молока...

Даже сейчас, очень жалея о том, что не вернуть тот день и не вернуть даже тот сон, я рада, что была еще не настолько умница, чтобы стирающиеся воспоминания наполнять домыслами и вычурными фантазиями. Видимо оттого, что я не стремилась его удержать таким образом насильно, этот славный денек остался во мне навсегда. Свил гнездо где-то в самой глубинке и затаенно, неслышно живет в каждом дне. Каждом хорошем дне.

Счастье

Лепет летнего дождя,
Нежный запах земляники,
Нескончаемого дня
Ароматы, звуки, лики...

Надежда

Ветвей осмысленная путаница
Диктату солнца подчинена,
И в этой чаще лесной мне чудится:
Я тоже ветка, из них – одна...

Поймать ладонью хоть лучик света
Я тщусь и руки вверх тяну,
И блики на исходе лета
Напомнят странно вдруг весну...

Забьется сердце смешной надеждой -
Переживу период снежный!

5. Есть упоение в бою!

1 марта 2018

Приполярный Урал, бокситовые рудники, послевоенные годы. Воскресным вечером к отцу заходят товарищи – горняки, почти все, как и он, «шестилетники», сосланные волею обстоятельств на трудовой фронт в годы войны. Одни вышли из окружения и посланы «на проверку», другие – немцы из Поволжья, третьи ... – Впрочем, отцы наши никогда об этих обстоятельствах своим детям не рассказывали. Политических речей не говорили, заговоров не строили. Я даже помню, как они вместе со всей страной оплакали смерть Сталина, как позже ругали «кукурузника»... Но это – позже.

Сейчас мать мечется с закусками у стола, мужики здоровкаются, раздеваются, потирают озябшие руки, звенят стопками. Мы с братом затаились на печи: все интересно! И разговоры, и остроты про бестолкового механика, и ругань в адрес баб, которые вцепились в них, сосланных, мертвой хваткой и к прежним, довоенным семьям не отпускают.

Выпивают, говорят все громче, но призадумавшийся нектати отец, вдруг очнувшись, задушевно выводит: «Реве-е-ела буря, дождь шумел, Во мра-а-а-ке молнии летали..» И мужики, словно того только и ждали, дружно подхватывают: «И беспрерывно гром гремел, И ветры в дебрях бушевали!» И опять отец негромко: «Ко сла-а-а-ве страстию дыша,

В стране суровой и угрюмой, На диком бреге Иртыша Сидел Ермак, объятый думой!» И опять хор подхватывает суровое повествование, и потом снова уступает солисту...

Мы замирали, сраженные былинностью песенной повести о герое, которого погубили подлые враги. В нашей таежной глухомани эта баллада была и чем-то родным по нарисованной картине места действия, и неизъяснимо высоким, нездешним по героическому и трагедийному сюжету! Я думаю, что наверняка это был песенный вариант «Смерти Ермака», но в нем было все, чтобы понять сюжет, сразить неискушенную душу высокой поэзией! Врезалось в память на всю жизнь это звучание суровых мужских голосов и горькая минута молчания после песни. Словно она была про них писана...

Когда в школе учительница предложила классу выучить к следующему уроку любимое стихотворение «не важно, какого поэта, старого или советского», я выскочила к доске и с необыкновенной экспрессией, накалом детских чувств, продекламировала папину песню. Васька с третьей парты воскликнул: «Так это не стих, а песня, не считается!» Но учительница меня поддержала, рассказала про поэта-декабриста Кондратия Рылеева, который бунтовал против царя и за это был повешен! А мне посоветовала в библиотеке почитать полную, как бы сейчас сказали, версию этой думы Рылеева. Почитала с восторгом, все эти "Думы" для меня были поэтической историей, героизацией далекого прошлого – с Ива-

ном Сусаниным, Войнаровским, Марфой Посадницей...

В те годы я не соотносила толкование Кондратия Федоровича с историческими хрониками и суждениями специалистов о том или ином событии. И в голову не приходило! Но романтическое высокое звучание, гордый свободолюбивый дух буквально каждой строфы Рылеева, да еще подспудное ощущение того, что и писавший был казненным героем, мучеником, сделали меня, девчонку, почитательницей его таланта. В 1956 году в серии «библиотека поэта» вышел сборник стихов К.Ф.Рылеева, мне его подарили подружки – и он хранится бережно до сих пор.

Много позже я перечитала переписку Кондратия с Александром: Пушкин и Рылеев были сверстниками, не просто знакомы, но и дружны. Рылеев считал себя учеником, учитель мог и попенять ему на высокопарный слог, на пренебрежение историческими смыслами, но признавал его талант. Вот из письма Пушкина: «С Рылеевым – мирюсь, «Войнаровский» полон жизни... Он несравненно лучше всех его «Дум», слог его возмужал и становится истинно повествовательным, чего у нас почти еще нет». В другом письме Пушкин с улыбкой писал, что Рылеев наступает ему на пятки, и он уже опасается этого соперника!..

Надо помнить, что оба они были очень молодыми людьми (как мой внук-студент, что он еще понимает в мироустройстве!). Верили в то, что написанием конституции можно направить историю в нужное русло, ратовали за свободу и брат-

ство. Но при этом тот же Кондратий, написавший великолепным народным языком сатирические песни, очень быстро расходившиеся в народных массах, не хотел этой известности и боялся ее, писал, что не надо бы допускать этой популярности, как бы она не стала возбудителем бунта народного, кровавого и беспощадного. Вспомним, ведь и Пушкин писал о русском бунте нечто подобное.

Ах, какое это было время! Брожение умов в Европе, байронизм, казни королей, Наполеон, тираны и герои – молодым поэтам было от чего сойти с ума! Читать их письма, статьи, оды и думы, литературные споры, наполненные гражданскими помыслами, поэтические послания друг другу, укрепляющие дух, – необыкновенное наслаждение.

В стихах Кондратия Рылеева впервые прозвучало: «Как Аполлонов строгий сын, Ты не увидишь в них искусства: Зато найдешь живые чувства; Я не поэт, а гражданин!» И уже позже Некрасов, несколько перефразируя его, напишет ставшее знаменитым «Поэтом можешь ты не быть, Но гражданином быть обязан!..»

Рылеев имел огромное влияние не только на потомков, но в первую очередь на современников, хотя большая часть его произведений, носивших столь бунтарский характер, не были опубликованы при жизни, а уж после казни бунтаря и вообще долгое время находились под запретом. К примеру, его «Гражданин», сочиненный накануне восстания декабристов, был опубликован в России лишь через 70 лет после написа-

ния, в 1893 году!

Но сатира Рылеева «К временщику» каким-то образом проскочила цензуру и была напечатана осенью 1820 года в журнале «Невский зритель». Кондратий сразу стал одним из популярнейших политических поэтов, ведь его произведение было, мягко говоря, не адресным, (как эпиграмма Пушкина на того же Аракчеева), а направленным против тирании, как явления. Приговор поэта был убийственным: «Но если злобный рок, злодея полюбя, От справедливой мзды и сохранит тебя, Всё трепещи, тиран! За зло и вероломство Тебе свой приговор произнесет потомство!» Отзвуки этой сатиры мы услышим и у Лермонтова в его стихотворении «Смерть поэта», и у многих поэтов-современников.

Для меня весьма значимы взгляды Рылеева и на следование канонам в творчестве, изложенные им в статье «Несколько мыслей о поэзии» в журнале «Сын отечества». Уже тогда, на заре XIX века молодой поэт писал, «была, есть и будет одна истинная, самобытная поэзия, которой правила всегда были и будут одни и те же», то есть, нет обязательных стандартов, есть чувства и оригинальное их выражение во все времена, **САМОБЫТНОСТЬ!**

Он так завершает свою статью: «...оставив бесполезный спор о романтизме и классицизме, будем стараться уничтожить в себе дух рабского подражания, и обратясь к источнику истинной поэзии, употребим все усилия осуществить в своих писаниях идеалы высоких чувств, мыслей и вечных

истин, всегда близких человеку и всегда не довольно ему известных».

Устремленный к идеалам, Рылеев сознательно не признавал обращение поэтов к прозе жизни, к реализму, не до того было ему, глашатаю Свободы! Поэтому и «Евгения Онегина» не признавал за шедевр, считая его ниже, нежели поэмы Пушкина «Кавказский пленник» и «Бахчисарайский фонтан». Ну, не мог ученик даже обожаемому учителю уступить своих принципов! «Агитатора, горлана-главаря» увлекала одна, но пламенная страсть – борьба за высокие идеалы, пусть даже не до конца осознанные!

Я Маяковского нечаянно процитировала, но не случайно: юношеское упоение борьбой – удел многих поэтов. Но эти двое, при всей разности поэтического языка, самоотдачей на разрыв аорты, безусловно, родственны! Казнь, самоубийство ли... эта порода в мирной старческой постели не умирает, слишком азартно, безоглядно, бескомпромиссно чувствуют и живут! Против власти ли бунтуют, за власть ли новую поют – все одно, противление Злу в них не предполагает чувства самосохранения и трезвого расчета. Юношеский максимализм и преданность Идеалу – не важно в какой оболочке – лишает их опоры, уходит почва из-под ног. Это чувство обреченности я чувствую в стихах и письмах этих вполне состоявшихся при очень юном возрасте гениев российской поэзии, обреченности – и вместе с тем упоения борьбой.

За свою жизнь я перечитала огромное количество поэ-

тических сборников, в разное время поклонялась многим, многих заучивала наизусть и с чувством декламировала. Но чем шире становился круг поэтов от переводных, вроде Аполлинера или Уитмена, до родных, вроде Александра Блока или Леонида Мартынова, тем труднее было произнести САМЫЙ ЛЮБИМЫЙ. Разность Заболоцкого и Бунина, Есенина и Цветаевой, Тарковского и Поженяна, богатство и разнообразие мелодий и ритмов, их лексическое несходство всякий раз и потрясали, и на какой-то миг увлекали, и снова подвигали на поиск новых имен, новых впечатлений и потрясений!

Но вот что замечательно: никогда ни одному из поэтов не хотелось подражать, и даже помыслов к тому не было. Ну, какой смысл подражать Блоку, когда можно услышать внутри себя его бесподобное: «Та жизнь прошла, И сердце спит, Утомлено. И ночь опять пришла, Бесстрашная – глядит В мое окно. И выпал снег, И не прогнать Мне зимних чар... И не вернуть тех нег, И странно вспоминать, Что был пожар». Умри – лучше не скажешь, а это – уже не только Блока, но и мое, присвоенное навсегда.

От любви к суровому и велеречивому Рылееву каким-то странным образом осталось во мне глубокое убеждение, что в поэтическом произведении должен чувствоваться нерв времени. Не красота образов, сложность метафор или особая закрученность мелодии (хотя все это, безусловно, в поэзии очень важно), а именно нерв времени и авторская позиция,

его место там, в этом времени. Ну, или тут. В нашем. Поэтому когда на поэтическом сайте я читаю в условиях ограничения наряду с ненормативной лексикой и на политику, я не понимаю, как это может быть. Вот дипломат Тютчев, написавший не часто цитируемое стихотворение «Два голоса», заступил за эту черту запрета? Или еще нет?...

«Мужайтесь, боритесь, о храбрые друзья,
Как бой ни жесток, ни упорна борьба!
Над вами безмолвные звездные круги,
Под вами немые, глухие гроба.
Пускай олимпийцы завистливым оком
Глядят на борьбу непреклонных сердец.
Кто, ратуя, пал, побежденный лишь Роком,
Тот вырвал из рук их победный венец».

Это ведь тоже о борьбе, о гибели непобежденных... Кстати, Федор Иванович не мнил себя поэтом и не рвался быть напечатанным, его насилу уговорили дать подборку стихов для журнала. А Пушкин, прочитавший стихи этого дипломата, был потрясен их глубиной и выразительностью! Я стихи Тютчева у сердца держу, несмотря на то, что кое-где сбиты ритмы, и количество слогов не сходится. Да и кому в ум придет включать метроном шаблона, когда говорит чувство, обретает голос индивидуальность!

Вон Бестужев, слушает стихи Кондратия и в восторге кри-

чит, что он выше Пушкина «...в силе чувствований, в жаре душевном!» Над Бестужевым ещё не довлеют авторитеты и десятилетия поклонения Александру Сергеевичу, ему ГО-РЯЧО от стихов Рылеева!

«Я ль буду в роковое время
Позорить Гражданина сан,
И подражать тебе, изнеженное племя
Переродившихся славян?
Нет, неспособен я в объятых сладостратья,
В постыдной праздности влачить свой век молодой,
И изнывать кипящею душой
Под тяжким игом самовластья».

Представляю, что было бы с бедным Рылеевым, выстави он свой стих в один из конкурсов Поэмбука! Если бы не заботили за политическую направленность опуса, вернули бы на доработку, пересчитав слоги и ударения. А я листаю составленную синюю книжицу, читаю порывистые юношеские стихи, пытаюсь разгадать свои старые карандашные пометки на полях – и молодею душой. Ну, послушайте, какой задорный слог, юмор, уверенность в своих силах, в этом послании Бестужеву:

Хоть Пушкин суд мне строгий произнес
И слабый дар, как недруг тайный, взвесил,

Но от того, Бестужев, еще нос
Я недругам в угоду не повесил.
Моя душа до гроба сохранит
Высоких дум кипящую отвагу;
Мой друг! Недаром в юноше горит
Любовь к общественному благу!
В чью грудь порой теснится целый свет,
Кого с земли восторг души уносит,
Назло врагам тот всегда поэт,
Тот славы требует, не просит.
Так и ко мне, храня со мной союз,
С улыбкою и с ласковым приветом
Слетит порой толпа вертлявых муз,
И я вдруг делаюсь поэтом.

Но я все же хочу вернуться от моих любимых поэтов – к папиному застолью. И вовсе не соперничая с Кондратием, припомнить, как мы жили в северной глухомани, куда в его время ссылали декабристов...

Не потопаешь – не полопаешь!..

Рука тверда и брови насуровлены,
Тут битва жесткая без признаков войны!
В размер и цвет на глаз откалиброваны,
Растрепанных одежек лишены –
Летят, стремглав, тугие кочаны!

По локоть руки голы и отмыты,
Опасно остр, как мачете, мой нож,
Удар секущий вызывает дрожь:
Хрясь! – Пополам – кочан летит в корыто,
Не глядя кинешь – точно попадешь!

Шинковка – ювелирная работа,
Морковки, соли крупной не жалея,
Замес безжалостный – до сока и до пота,
И в кадку уминай всё поскорей!
Рассол забродит – наложите гнёт,
Брусники горстку – всё зимой уйдет!..

Федорино горе

Пошевелила уголья в печи,
Задвинула в задумчивости выюшку,
Поставила обувку на просушку,
А репродуктор что ж молчит?
– Включи, пусть музыка журчит...

Укрыла полотенцем чугунок,
На скатерти разгладила морщинки,
Застывшим взором вперилась в окно:
Еще не ночь – а уж совсем темно,
И по стеклу секут дождейки...

Теперь скрипит и эта половица,
Пол надо бы давно перестелить...
Соседки будут сплетничать, дивиться,
Как, мол, без мужа станешь жить?
Дров-то привез, а как перерубить?..

Здесь – хороша, а в городе – обуза,
Он, видно, прав, прошла моя пора,
От нашего счастливого союза
Лишь хлама деревенского гора...
А я?.. Ну, хоть ложись да помирай!

...Вот только эту ночь бы пережить,
Догадлив муж, унес с собой ножи!..

6. Подсолнуховый анекдот

22 февраля 2018

Как же в конце зимы вспоминается лето! А вот позапрошлым летом в деревне нашей случай был...

Из всех дачников-соседей Евгений Петрович Сеницын – самый толковый и умелый мужик, все у него к месту и со смыслом: и скворечник на грушевом дереве, и тыква на компостной яме, и ...да много чего! По весне решил Сеницын рядок подсолнухов вдоль забора посадить, купил семечек, замочил в тряпицу, через нужное расстояние семечки проросшие воткнул. В тряпице много еще осталось! Глянул через забор – а там сосед Толечка в шортах и в гольфиках по колено на лопату оперся, замечтался... Кликнул его Сеницын, добродушно тряпицу протянул: сажай, по осени с семечками свежими будешь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.